

УДК 130.2

Хамзина Дилара Зуфаровна – старший преподаватель кафедры права факультета информационных технологий и управления, Башкирский государственный аграрный университет.

E-mail: elvira_zin@mai.ru

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ ОБРАЗ КАК КОМПОНЕНТ НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Д. З. Хамзина (Уфа)

Анализируется природа мировоззренческих образов, локализованных в научной картине мира. Их особенность усматривается в том, что они являются воплощенными в чувственную форму носителями научной идеи. Научная картина мира рассматривается в качестве предметной стороны научного мировоззрения, образные компоненты которой структурируются в целостность философскими и научными идеями и принципами.

Ключевые слова: мировоззрение, научная картина мира, мировоззренческий образ, теоретическая модель, онтологизация, онтологизированный образ.

THE WORLD OUTLOOK IMAGE AS A COMPONENT OF THE SCIENTIFIC PICTURE OF THE WORLD

D. Z. Khamzina (Ufa)

There is analyzed the nature of the world outlook images localized in the scientific picture of the world. Their special feature is that they are realized in the sensual form by the carriers of scientific idea. The scientific picture of the world is considered as the subject side of scientific outlook which figurative components are structured into integrity by philosophical and scientific ideas and principles.

Key words: outlook, scientific picture of the world, world outlook image, theoretical model, ontologization, ontologized image.

Понятия «мировоззрение» и «научная картина мира» активно используются в современной науке и философии, но оба термина являются полисемантическими. Понятие мировоззрения применяется и для обозначения взглядов и убеждений индивида («мировоззрение Л. Толстого»), и для характеристики определенной социальной группы («сектантское мировоззрение»), и для выделения главных ценностей конкретной эпохи («античное мировоззрение»), и для указания характерных черт определенной идеологии («коммунистическое мировоззрение»), и при выделении типа культуры («мифологическое мировоззрение»). Каждое из перечисленных понятий (а их гораздо больше!) характеризуется специфическими признаками, количество которых размывает границы объема данного понятия. В настоящей статье понятие «мировоззрение» применяется в одном значении: как взгляды субъекта на мир и на свое место в нем, ставшие убеждениями субъекта и основой его действий.

Понятие «научная картина мира», несмотря на сравнительно небольшой период его существования, также далеко от однозначности. Анализ многочисленных публикаций, претендующих на раскрытие содержания и объема указанного понятия, позволяет сделать вывод о его амбивалентности. Авторов этих публикаций можно разделить на две группы: утверждающих, что научная картина мира – это вид теоретического знания («обобщающая теория»), и их оппонентов, считающих ее особым видом научного знания, отличающимся от теории, «картинностью». Мы относимся к сторонникам второй точки зрения и полагаем, что научная картина мира есть часть мировоззрения субъекта, в которой концентрированы его научные взгляды и убеждения в форме особых – мировоззренческих – образов,

структурированных в целостность при помощи философских и научных идей и принципов. Это определение созвучно мнению В. С. Степина и Л. Ф. Кузнецовой, заметивших, что научная картина мира «фиксирует в мировоззрении лишь один блок – знания об устройстве мира, полученные на том или ином этапе исторического развития науки» [1, с. 16].

Мировоззренческие образы, как содержательный компонент научной картины мира, являются также элементами мифологической и религиозной картин мира. Но в каждой из них они отличаются своими особенностями, придающими специфику этим картинам мира.

По нашему мнению, научная картина мира, как и всякая другая, – это не вид теоретического знания, а представляет собой его трансформацию преимущественно в образную форму. Однако сводить содержание научной картины мира только к образным, «картинным» представлениям неверно. Если образы составляют «элементное» содержание научной картины мира, то связи между ними представлены теоретическим знанием, в качестве которого выступают философские и научные принципы и законы. Они структурируют содержание научной картины мира в определенную целостность.

Образ научной картины мира является результатом объективации научно-теоретического знания, протекающей в форме онтологизации. По этой причине в ряде исследований эти образы мира называются онтологизированными [2; 3]. Под онтологизацией здесь понимается такой вид объективации, при котором знание трансформируется в образ, воспринимаемый субъектом в качестве реально существующего предмета или фрагмента объективного мира. Основатель аналитической психологии К. Г. Юнг называет это свойство психики экстернализацией: «Экстернализация – это локализация чувственного восприятия в пространстве. Мы слышим звуки не в ухе и видим цвета не в глазу, а на пространственно локализованном объекте» [4, с. 352]. В современной философии для обозначения этого свойства сознания применяется термин «интенциональность» – одно из основных понятий феноменологии Э. Гуссерля. По мнению Н. Гартмана, только благодаря свойству интенциональности сознания субъект познания может выйти за пределы трансцендентального мира и понять, как возможна связь с объективной реальностью [5].

Мировоззренческие образы относятся к классу онтологизированных представлений, но их местопребывание ограничено пределами мировоззрения. К примеру, образы расширяющейся Вселенной и телеги (телеги вообще, а не отдельной телеги) являются онтологизированными. Но первый из этих образов является элементом современного научного мировоззрения, а второй – нет. По этой причине образные составляющие научной картины мира мы предпочитаем называть мировоззренческими образами. Поскольку такие образы репрезентируют значимые предметы и события реального мира, то научная картина мира, являющаяся важнейшим компонентом научного мировоззрения, образует его предметное содержание. Как, впрочем, и в других картинах мира: в мифологической картине мира ее предметное содержание составляют образы мифических героев (Ахилл, Шукра, Урал-батыр) и антропологизированные представления о космических и природных явлениях. В религиозной картине мира главными персонажами являются боги, сакральные герои, чудотворцы, а также сакральные события, выраженные, как правило, в виде библейских, коранических и других сюжетов. Таким образом, в каждом из типов мировоззрения есть своя предметная, онтологизированная сторона, которая называется картиной мира. И эту «картинность» она обретает благодаря онтологизированным представлениям. Откуда они берутся? Рассмотрим это на примере образов научной картины мира.

На наш взгляд, существуют два пути возникновения образов научной картины мира: 1) при помощи трансформации научной теории; 2) благодаря заимствованию из повседневного

мира образов окружающих вещей и событий. Первый из этих путей мы считаем основным, поэтому сначала рассмотрим данный вариант.

В отечественной философии науки впервые генезис образов научной картины мира был исследован В. С. Степиным в 1970–1980 гг. Согласно его концепции, эти образы возникают в научной картине мира в результате проецирования на нее «теоретических схем» (так автор называет теоретические модели). Можно было бы согласиться с этой точкой зрения, если бы не одна проблема: обладает ли научная картина мира всем богатством чувственного материала, чтобы онтологизировать любую научную идею или теорию? Думается, это возможно лишь в случае, если под картиной мира понимать весь чувственный слой сознания, как это подразумевается П.И. Дышлевым и Л.В. Яценко [6]. Но в работах В. С. Степина нет отождествления картины мира и чувственного компонента сознания.

Решение проблемы нами видится в том, что первичная онтологизация теоретической модели происходит не в научной картине мира, а в сфере обыденного сознания – «бытийном слое сознания», по выражению Е. П. Велихова, В. П. Зинченко и В. А. Лекторского. Указанные авторы выделяют в сознании два слоя – бытийный, включающий в себя чувственный опыт, стереотипы, архетипы, автоматизмы, и рефлексивный, придающий смысл компонентам бытийного слоя [7]. Позднее В. П. Зинченко, детализируя эту классификацию, укажет, что «идеи, возникающие в рефлексивном слое сознания, должны воплощаться в бытийном. Это происходит в форме визуализированных, вынесенных вовне субъекта, экстериоризованных образов» [8, с. 42]. Думается, именно в этом «слое» сознания (позже В. П. Зинченко назвал его «бытийно-эмпирическим») теоретическая модель обретает образную оболочку, что позволяет включить ее в состав чувственных репрезентантов объективного мира, переживаемых человеком в качестве реально существующих вещей.

Э. Гуссерль назвал «жизненный мир» (близкий по значению бытийному слою сознания) «исходной почвой всякой теоретической и практической активности» [9, S. 49]. В математизации физики, начатой Галилеем, он видел начало кризиса в науке, связанного с ее переходом на язык непонятных для большинства формул и символов. Выход он видит в онтологизации научного знания, его «переводе» на язык «жизненного мира». Математика, по его мнению, должна поставлять «идеальные предметности» физике, в которой они должны наполняться эмпирическим, чувственно-наглядным материалом. Результатом такой эволюции знания он считал физическую картину мира.

Мы полагаем, что онтологизация теоретической модели в бытийном слое сознания не является окончательным этапом ее развития. Она позволяет решить проблему непротиворечивости теории видимому объективному миру, в который погружен субъект познания. Но история науки полна примеров, когда знание, согласующееся с повседневным опытом, тем не менее, оказывается ложным. Например, геоцентрическая модель Вселенной полностью подкреплялась повседневными наблюдениями человека, но оказалась неверной. По этой причине в науке существует требование к оценке нового знания: прежде чем объявить его научным, необходимо посмотреть, не противоречит ли оно устоявшимся научным знаниям и представлениям, может ли оно быть интегрировано в «тело» науки. А самые обобщенные и устоявшиеся знания, как известно, концентрируются в научной картине мира. Поэтому онтологизированная в бытийном слое сознания теоретическая модель проецируется на научную картину мира, где и происходит окончательная онтологизация теории: она начинает функционировать в культуре в виде научно-мировоззренческого образа.

Выше описан традиционный путь онтологизации научно-теоретического знания. В истории науки встречается и другой путь трансформации идеи в образную форму. Речь идет об использовании обыденных образов восприятия в качестве носителей научных идей. Известным

примером здесь служит использование И. Ньютоном образа падающего яблока при создании им основ классической механики. Когда он вводил этот образ в свою теорию, то не руководствовался вкусовыми и цветовыми качествами яблока: образ яблока воплощал массу и его взаимодействие с другой массой – Земли. Д. Томсон заметил, что Ньютон в случае с яблоком увидел, что «падающее яблоко и Луна – примеры одного и того же явления» [10, с. 75]. Т. И. Ойзерман пишет о том, как Галилей в 1589 г. «увидел» в качающейся люстре Пизанского собора маятник, и использовал этот образ в своей физической теории изохронизма [11, с. 93]. В обоих случаях имеет место один и тот же прием онтологизации научного знания: обыденный образ проецируется на физическую картину мира и рассматривается в контексте существующих научно-мировоззренческих знаний. В.А. Лекторский и

В. С. Швырев, рассматривая творчество Галилея, пишут: «Галилей вынужден был приводить специальное обоснование своих концепций опыту. Не отрицая данных обыденного восприятия, он вводил их в определенный теоретический контекст, в теоретическую картину доступного непосредственному наблюдению мира, показывая основания внешнего противоречия непосредственного наблюдения и теории. Тем самым он не просто надстраивает «теоретический мир» над миром обыденного опыта, а согласовывает тот и другой, он строит научную эмпирию как особую внутреннюю компоненту научной картины мира. Научная эмпирия, таким образом, отличается от обыденного опыта» [12, с. 18–19].

И первый, и второй путь онтологизации предполагают интегрирование нового знания в научную картину мира. Зачем это нужно? По нашему представлению, при этом решаются три задачи: 1) обоснование истинности нового знания; 2) проверка истинности самой картины мира; 3) развитие научной картины мира.

Если исходить из когерентной концепции истины, то обоснование истинности нового знания предполагает его согласованность с другими знаниями. Наиболее концентрированным и обобщенным видом устоявшихся научных знаний является, как известно, научная картина мира. Если интеграция нового знания с научной картиной мира происходит успешно, то это означает, что теория не противоречит научно-мировоззренческому знанию эпохи и может претендовать на статус истинного знания. Если же это не происходит, то, как правило, первой реакцией является вывод об ошибочности теории, которая лежит в основании новой онтологизации.

Но в истории науки немало случаев, когда причиной несостоявшейся интеграции явилась ошибочность самой научной картины мира. Вспомним в связи с этим, как «конфликтовала» с существующей картиной мира гелиоцентрическая теория, неевклидова геометрия, квантовая механика, теория относительности, хромосомная теория наследственности, эволюционная теория Ч. Дарвина. И развитие науки показало, что если новая теория подкрепляется все новыми и новыми фактами и обоснованиями, то это означает, что научная картина мира сама нуждается в корректировке или существенном изменении. Как писал американский биолог и историк науки Э. Майр, «основная причина, почему эволюционизм, особенно в форме дарвинизма, так медленно завоевывал признание, состоит в том, что он требовал полной замены одного мировоззрения другим» [13, с. 23]. Представление пространства в виде материальной среды, «фона» существования объекта в теории относительности не согласовывалось с образом пространства-пустоты механической картины мира, и последняя, в конечном счете, была заменена на релятивистскую картину мира.

И в случае согласованности, и в случае несогласованности нового знания с научной картиной мира, она получает дальнейшее развитие. В первом случае научная картина мира обогащается новым мировоззренческим образом. Это происходит в периоды «нормальной науки» (Т. Кун). Во втором случае происходит ее качественное изменение, называемое

«научной революцией», когда даже существующие образы начинают рассматриваться в контексте новой парадигмы.

Одним из важных вопросов, связанных с «картинностью» научной картины мира, является вопрос о роли образных представлений в ней. Действительно, зачем образ, если есть теория? Мы полагаем, что образы научной картины мира выполняют две взаимосвязанные функции: понимания и трансляции научного знания.

Интерес к научной картине мира появился в XX в. в связи с обострившейся проблемой понимания научного знания, вызванной формированием неклассического типа рациональности. Образы механической картины мира не подходили для объяснения релятивистских и квантово-механических теорий. Перед учеными встала проблема изобретения чувственных аналогов тех предметов, знание о которых было получено логико-математическим путем. Конструктивизм Канта вышел за пределы философии, и стало ясно, что образы – не копии, а репрезентанты вещей. Самая главная их функция – объяснение на доступном языке определенной научной идеи. А таким языком и является язык образов. Он позволяет понимать и транслировать сложные идеи из одной области науки в другую, из науки – во вненаучные сферы культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степин В. С., Кузнецова Л. Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. – М. : ИФРАН, 1994. – 274 с.
2. Рахматуллин Р. Ю. Онтологизированные образы в научном познании: генезис и функции : дис. ... д-ра филос. наук. – Уфа, 2000. – 276 с.
3. Абдуллин А. Р. Виды и сущность онтологического мышления : дис. ... д-ра филос. наук. – Уфа, 2002. – 311 с.
4. Юнг К. Г. Психологические типы / пер. с нем. – М. : Университетская книга ; АСТ, 1996. – 717 с.
5. Hartmann N. Zur Grundlegung der Ontologie. – В., 1941.
6. Дышлевый П. И., Яценко Л. В. Что такое общая картина мира. – М. : Знание, 1984. – 64 с.
7. Велихов Е. П., Зинченко В. П., Лекторский В. А. Сознание: опыт междисциплинарного исследования // Вопр. философии. – 1988. – № 1. – С. 3–30.
8. Зинченко В. П. Наука – неотъемлемая часть культуры // Вопр. философии. – 1990. – № 1. – С. 33–50.
9. Husserl E. Die Krisis der europaschen Wissenschaften und tranzendentale Phanomenologie. Den Haag. Bd. 6.
10. Томсон Д. Дух науки. – М. : Знание, 1970. – 280 с.
11. Ойзерман Т. И. Проблемы историко-философской науки. – М. : Мысль, 1982. – 301 с.
12. Лекторский В. А., Швырев В. С. Диалектика теории и практики // Вопр. философии. – 1981. – № 11. – С. 12–23.
13. Майр Э. Смена представлений, вызванная дарвиновской революцией // Из истории биологии. – М. : Наука, 1975. – Вып. 5. – С. 3–25.

Принята редакцией 25.01.2013